

ДЕБЮТ Владимира Амлинского пришлось на конец 50-х — начало 60-х годов — время притока в литературу новых имен. Оглядываясь назад, вспоминаю, с каким доброжелательством и изыскательностью следили за моими, увы, не всегда твердыми шагами в литературе, скажем, Константин Федин и Леонид Соболев. Формально нигде не значась, как сейчас принято говорить, в литературных новостях, они читали немало из того, что я писал.

Прошли годы, и вот ловлю себя на том же — все внимательней присматриваюсь и более молодым собратям по литературе: за что ратуют, что отвергают, на каком художественном уровне работают?

И Федин, и Соболев — признанные мастера, имевшие моральное право судить и ридить. Моя же задача скромнее — не претендуя на бесспорность оценок, окинуть взглядом написанное Владимиром Амлинским, который принадлежит к следующему за моим литературному поколению.

По-разному происходит утверждение писательского имени. Иногда самостоятельно, как бы без помощи извне, от книги к книге, другой раз — с помощью критики, с ее «жесткой» лаской. Владимир Амлинский принадлежит скорее к первым, хотя критика тоже не обошла его. Он сам создавал себя, оставаясь верным своему кругу проблем, мыслей, своему художественному своеобразию. Перечитывая его ранние вещи, вижу

раз мальчишки-дистрофика в рассказе «Чистое сердце горниста». Здесь детское стилизуется с жестоким, страшным, неистребимым жизненным детством — с безвозвратностью ранних потерь. В повести «Тучи над городом встали» писатель одним из первых воссоздал детство в эвакуации, детство, далекое от войны и вместе с тем рядом с ней. Но проблематика повести шире, чем один лишь тяготы военного лихолетья. Сюда многое вошло, в частности, тема русской интеллигентной семьи с ее благородными нравственными традициями, достоинством, истинной духовностью, не приемлющей любые формы унижения людей. Отлично переданы отношения двух мужчин — отца и сына, непростые, как это часто бывает в жизни, однако неразрешимые благодаря не только родству физическому, но и духовному. Хочу отметить и то, что в этой повести автор осмелился затронуть некоторые вещи, к которым обычно прикасаются робко, а еще хуже того — фальшиво. Он написал первую любовь Сережи Островского не как некое отвлеченное чувство, а как плотское, терпкое, в котором нечто юношески-идеальное

Фиолент, о несостоявшейся любви героя, о несостоявшейся не по его вине, но все-таки яркой судьбе. Грустная, местами драматическая повесть полна тем, не менее радости, торжества жизни, поклонения перед ней.

Писатель, опозитизировавший Лялин переулочек и Чистые пруды, пришел и на городскую окраину, на темные ночные дворы, написал мирок хмельных компаний, странного жаргона, дружб, переходящих во вражду. Он сумел разглядеть противоречия этой среды, показал потребность юной души в самоутверждении, потребности в том, чтобы почувствовать и свою способность на поступок, — другое дело, каков тот поступок. В этих песенках, времяпрепровождениях есть и что-то чистое, может быть, романтическое, но замутненное, лишенное серьезного нравственного стержня. Психология таких ребят, сокровенные их тайны, надежды, ошибки, плата за них — вот предмет художественного исследования. Думаю, исследование, именно художническое, писательское, не всегда отвечающее на вопросы, а лишь ставящее их, показывающее психологию и состояние, подводящее к сути характеров, может дать больше в понимании душ человеческих, чем чисто проблемный подход.

Владимир Амлинский пишет о молодежи. Но это совсем не значит, что книги писателя читают только ровесники его героев — они дают пищу для сердца и ума людям разных поколений.

Роман «Возвращение брата» — вероятно, наиболее значительное произведение Амлинского — затрагивает и эти темы. Но в центре — не однозначная, по-своему цельная личность — Иван Лаврухин, по которому еще в малолетстве прошли жернова войны, а затем — тяготы послевоенных лет. Роман написан жестко, сурово: с первых же страниц возвращения героя, со сцены мирного чадения в бревенчатом доме у читателя возникает чувство тревоги за судьбу Лаврухина.

Иван Лаврухин увиден как бы в нескольких планах: собственным беспощадным зрением; глазами его меньшего брата, мальчишки, которому тоже предстоит перенести первый удар, нанесенный жизнью; глазами Тамары, девушки, постепенно начинающей понимать этого чужого для нее и странного человека — Ивана Лаврухина.

Тема любви — одна из главных в романе (мне пришлось прочитать ряд критических статей о нем, странно, что говорилось обо всем, кроме этого). Неосуществленная любовь, тоска по ней, поиск ее — все это написано и с иронией, и с болью, с печалью и с радостью, во всем этом — мысль о том, что неосуществленность любви есть и неосуществленность, может быть, самого главного в человеческой судьбе.

Зарождение чувства исследуется писателем смело, он показывает, как оно гибнет, не разнерушившись, как человек уговаривает себя примириться с обстоятельствами.

В ПОСЛЕДНЕЕ время Владимир Амлинский, не изменяя «вечной» юности, осмысливает и возмат итога: есть на что обертнуться и спросить себя, как ты жил и что ты сделал на этой земле. Когда судья Малин из романа «Возвращение брата» идет по Москве, человек, еще до краев полный жизни, он оглядывается назад и осмысливает, что было сделано и что не вышло. Писателю удается уловить состояние души, определяемые как катастрофа, скрытая от постороннего взгляда. Он умеет передать противоречивую зыбкость, секунды прозрения, самоосмысления.

Владимир Амлинский родился в Москве, и во многих вещах встает облик его родного города. Он любовно пишет город в разные времена года, сквозь призму разных состояний, это — тоже наша Россия, ее поэзия, иной раз и самая будничная. Но не только это. Московские пригороды, полустанки и далекие от Москвы, только нарождающиеся сибирские города (с Сибирью связана часть биографии Владимира Амлинского) — все это Родина, и писать о ней, о ее народе — познанный долг любого из нас. Мстительного или вовсе молодого. Тем паче того, кто вступил в пору зрелости и возмужания.

Олег СМЕРНОВ

РУБЕЖИ ЗРЕЛОСТИ

КРУТЫЕ СУДЬБЫ, ТРУДНЫЕ ХАРАКТЕРЫ

в них вечный дух молодости, но не «молодежности». Уже там он пытается докопаться до нравственной сердцевины людей, не обходит острых углов жизни, сложных, наболших проблем. И уже там виден СВОЙ стиль, своя интонация, без которых нельзя представить себе настоящего писателя.

Голос Амлинского с самого начала не сливался с другими, чуждый захлебывающейся, энергичной, стремящейся к максимальному авторскому самораскрытию форме. Молодой прозаик тяготел к иному, бурил свою породу не столь шумно, но последовательно и целеустремленно. Органически чувствуя своих героев-современников, сосредоточил внимание не на манере говорить и держаться, а на более скрытом и более важном.

Казалось, как много написано нашими литераторами о целине — о героизме ее первооткрывателей и о преодолении всяческих трудностей. А у Владимира Амлинского «своя» целина — хакаский паренек Павел из рассказа «Над рекой Кизир» с его любовью, внутренней силой, одиночеством, потребностью обречь, защитить слабое, непрочное, с его душевной растворенностью в этом суровом, его усилиями очеловеченном краю. Поэтичность характера скупая, сдержанная, даже не знаю, то ли это слово — поэтичность; перед нами человек и сильный, и торжествующий, и вместе с тем исполненный печали.

А вот другая сторона жизни. Паренек и старик (рассказ «Двое в квартире»), разделенные эпохой, чужие, ожесточившиеся, неожиданно открываются друг другу: И старику видится трудная юность этого паренька, а тому — долгая, трагедийная судьба старика, прошедшего через многие испытания века. Отношения этих людей, еле заметные во внешнем проявлении, обнажены, обострены внутренней сутью, два маленьких (а может, и больших) человеческих мира отталкиваются и притягиваются. Вот это в первую очередь и интересует писателя.

Владимир Амлинский, чье раннее детство совпало с войной, так или иначе возвращается к ней. Ставшая судьбой моего поколения, она опалила и тех, кто помоложе. С большой силой написан об-

связано и с «низким». В самом деле ничего низкого здесь нет — это пробуждение пола, нарождающаяся страсть.

В голой, обездоленной войной квартире, где полусматсшедшая старуха соседка кличет погибшего на войне сына Степушку, в перевернутом, ожесточившемся мире два юных существа, ускользая от своих одиночеств, страхов, тянутся друг к другу, но в девочке нравственное понятие берет верх. В этом куске множество ярких деталей, запоминается диалог, происходит все то смешение высокого и «низкого», что и составляет правду жизни, истинной, а не сконструированной.

Я бы хотел остановиться на привлекающей особенности Амлинского — на сплав поэтического начала и обостренного социального видения. Так он сумел увидеть или угадать нарождающуюся опасность — способность некоторой части молодежи на крайнюю и беспринципную жестокость («крыски», как их называет герой в романе «Возвращение брата», нападающие на него самого, или Лопата из очерка «Мальчишки без девчонок»).

Социальное это начало у автора тоже окрашено особым светом: социальный тип не сформулирован, скорее наблюден, угадан.

Писатель заслуживает несомненной поддержки, когда выходит на важные, общественно значимые темы, и, соответственно, жаль, когда он не продолжает, не развивает найденное. Ведь тема тех же «крысок», решенная несколько отрывочно, что ли, могла бы исследоваться углубленней. Впрочем, в своей публицистике писатель разработал ее своеобразно и убедительно.

Владимир Амлинский тяготеет к герою, пережившему что-то, прошедшему сквозь страдания. В «Жизни Эрнста Шаталова» он говорит, что это делает людей «мудрее и выше». Повесть лишней раз доказывает, что воспитательная функция литературы гораздо сильнее, если обходится без дидактики и морализаторства. Писатель построил «Шаталова» как диалог героя и автора, с умеренными отступлениями, с выразительной новеллой о мысе